

Не предполагал, что придёт время – и появится книга, которая окажется не только на редкость крепкой, правдивой, но – концептуальной. В наши дни, при всём обилии мелких тиражей, направлений и замыслов, подобное явление само по себе удивительное, редкое. С полным правом можно назвать роман Александра Кердана «Царь горы» переосмыслением в чём-то трагической, а в чём-то счастливой человеческой судьбы, мастерски уложенной в строки.

Сюжет романа прост, даже незамысловат, на первый взгляд. Но кажущаяся лёгкость и простота многое раскрывают – именно потому, что роман не отягощён намеренным «триллерством», попытками повествователя увлечь и ошеломить читателя испытанными приёмами, напором и ловкостью писательской руки. Вообще (и это ясно умудрённому книгочею) там, где блистает мастерство, – нет места искусству. И часто, напротив, книга, в которой многое открывается через простые человеческие взаимоотношения, выигрывает во всём. Да и век-то какой избран автором: смена вех, эпоха перемен, о которой так неодобрительно отзывались китайские мудрецы. Потому здесь многое иначе, чем в томах других наших современников, которые специально «затёсаны» под массовый читательский интерес, под успешную продаваемость с лотков и прилавков.

В самом начале романа мы встречаем двух мальчишек: они – друзья и в то же время – антагонисты. Противостоят друг другу не намеренно, а так устраивается и причудливо протекает их жизнь, так непредсказуемо вершатся их судьбы. Читая роман, вспоминаешь это время, которое многие из нас застали, необычайно сложное и противоречивое.

Повествование увлекает сразу. Да, всё так и было, но разве можно заранее кого-то из ребят в начальных классах отличить или осудить? Это было бы наивно. Человек и отношения изменчивостью своей подобны облакам, погоде, реке. Часто для окружающих человек незаметен внутренним, никому не приметным ростом или, напротив – вдруг поражает нравственным «откатом». Ты только осудил или похвалил его, а он уже – другой.

Один из друзей-товарищей, Виктор Борисов, «Бор» – сын добросовестного служивого прапорщика и матери-рабочей при заводской кухне. От его имени ведётся повествование. Он «стартует»

в марафоне жизни, как едва ли не все в советской действительности – со среднего положения. Он, его семья – одни из многих и ничем не выделяются в среде подобных людей той, советской эпохи. Разве только сердечным талантом Бор награждён: совестлив, простодушен. И умом вроде бы не обделён да способен к точным наукам: математике, физике. Семья весьма среднего достатка, и от её положения в социуме многое зависит в судьбе сына.

Другой – его погодок Николай с громкой фамилией Царедворцев – сын Героя труда, металлурга и внук известного деда-шахтёра. Здесь завязывается тот узелок, который немало откроет в сюжете книги и в судьбе страны. Николай для «продвижения по жизни» подготовлен неплохо: оснащён нужными знакомствами и протекциями через отца и мать. Всё заранее готово для того, чтобы он одержал убедительную победу в соревновании с любым из школьных товарищей. Здесь за текстом многое присутствует невидимо, непримечательно даже поначалу. «Гордость привилегий», как у богов Олимпа, благополучно и честно не скрывается. Семья и её окружение открыто гордятся Царедворцевым-старшим, отцом семейства с обширными связями. Мама Николая – тоже не последний человек в областном городе, с рангом и статусом. Но так ли существен был он тогда, да и, по большому счёту, важен ли вообще – особенно в Советской России? Ведь не внешние возможности, а внутренние достоинства и нравственную жизнь многие русские философы и писатели считали приоритетом.

Книга «Царь горы» ставит под вопрос привычные, казалось бы, обстоятельства. Мы не слышим, как родители-Царедворцевы напутствуют сына, поскольку автор строит свой текст не прямолинейно. Откровенность диалогов и поступков замедлила бы сюжет, повлияв на динамику романа, и в конечном счёте упростила бы и исказила действительность. Ведь в советские годы было очень важно даже не то, каких авторов изучали на уроках русского языка и литературы, как преподавались школьные предметы «из истории» своей страны. Куда весомее – ЧТО и КАК говорили родители своим чадам в ту пору дома, на кухне, когда их никто, кроме своих, семейных, не слышал. Личный пример отца и матери значил очень много. Образовывала молодое поколение семья, а не школа или ВУЗ, не пионерия и комсомолия, хотя многим казалось, что это именно так. Николай Царедворцев уяснил одно: для того чтобы руководить и получать высокие награды, необходимо отличаться от всех. Вот одновременно загадка, тема и ключ этой книги: дилемма «жить как нужно» или жить жертвенно – как Овод или Пашка Корчагин. Если сравнивать судьбы Виктора и Николая, здесь же и разгадка. Главное – не выдуманное, а подлинное положение в стране накануне «перестройки с ускорением», как и объяснение тому, что произошло после девяностых. В том, что именно говорил сыну Герой труда, бывший металлург (а ныне высокий партийный начальник) между тяжелейшими авралами своей работы, видятся причины и намётки будущего страны. Здесь цена всем выпелам, наградам, званиям, должностям Николая – будущего удачливого полковника, прозаика, главного редактора, как и его товарища – Бора. Тут секрет и скорого продвижения по службе Царедворцева-младшего.

Впрочем, в этом отборе из рабочего люда, из простонародья лучших и в превращении их в героев и руководителей, конечно, тоже были свои тайны и своя политика, проводимая советским и партийным чиновничеством. Боялись повернуть «не туда» даже при отборе и чествовании героев труда и войны. И если уж дали одному орден и подучили, что и где следует говорить, – тогда ему, орденосцу, цены нет: он сам или его сын обязательно «выйдут в люди», станут «царями горы». Повелось так: не по рангу, не по заслугам награждать, а по возможностям и по близости к награждающему. Придёт время, когда награждённый и сам чествующих его сегодня наградит, в недалёком будущем. Пусть же и остаётся в профессии не шахтера или сталевара, а «профессионального героя труда» – или двигает в высокие чиновники. А трудягу в ватнике, работающего не хуже, а порой и лучше избранного орденосца, – не заметят в упор. Вот эта неправда, это двуличие и подломили великую страну. «Домострой» на новый советский лад не удосужились написать, а «Кодекс строителя коммунизма» вдруг перестал работать. Строили развитой социализм, но не услышали треска падающих лесов, подпорок и скреп... Угрозы развала «шестой части земли» не увидели даже опытные политработники. Кстати, Николай и Виктор свяжут свои судьбы с военными политическими училищами, а их выпускники были тогда не номинальной, а вполне определённой частью советской элиты.

На честных и принципиальных в восьмидесятых годах стали смотреть, особенно на собраниях, косо: скорей бы домой, в семью, к телевизору – или в пивную. В семьях офицеров, силовиков, высоких чиновников двойная мораль была тем ярче и заметнее, чем выше должность занимал дед, кум, сват, отец или брат. В действительности среди назначенных «честными и принципиальными»

остались в ту пору на виду и на плаву одни «царедворцевы» – то есть витрина, антураж. И вот здесь находки автора «Царя горы» бесценны.

Да, так и было, едва ли не всё – напоказ. Вектор движения к «победе коммунизма во всём мире» остался прежним, но перенаправили его теперь на себя, любимых. А когда это случилось? – никто и не заметил. И стали жить не для страны, а для себя и для своих. Принялись «массовым порядком» строить не государство равных возможностей, а успешную собственную карьеру. Индивидуалисты-карьеристы взяли правление в свои руки, натянули гужи – и уже не выпускают. В самые верхи выдвинулось похожее племя – подобались подобные к подобным. Оттого и смута заходила в СССР: медленно, годами нависала она, как чёрная гроза над столицей.

Автор убедительно показывает это на примерах нескольких судеб, нескольких семей. Да, смотрели ещё с гордостью фильм «Офицеры», где профессия – и бесспорно главная: родину защищать. Но уже иронизировали и смеялись едва ли не в голос над строками известной песни: «Жила бы страна родная, и нету других забот...» Чинуши и чинодралы не теряли времени: взобрались на возвышенное место по тыльной, спокойной стороне горы (как ребятишки в начале романа, где так удачно автор символизировал рукопашную в верхах), а всех остальных – сбросили. Да и по сей день неумоимо сбрасывают вниз тех, в ком видят хоть малейшее противоречие своей «валентности» и тем паче угрозу своему привилегированному положению.

Без оглядки на иных достойных авторов и на мнения литературного бомонда, общественные разногласия и разномыслие, на противостояние или, напротив – дружбу каждый, прочитавший книгу Александра Кердана «Царь горы», уж точно не останется внакладе. Недоразумений не возникнет ни у кого из читателей – ни у «левых», ни у «правых»: это книга многих достоинств, её трудно переоценить. Роман вынашивался, наполнялся наблюдениями, раздумьями, размышлениями тридцать лет, отданных автором службе в Вооружённых силах страны.

«Тяжеловесы» от литературы не выбирают «направления» – они шагают наособицу, двигаются самостоятельно. Крупный писатель устанавливает свои правила и свои законы. Но чтобы в один приём написать роман, который бы так далеко и так, одновременно, близко отстоял от 90-х, которые мы помним каждый по-своему, это – поразительно. И нестерпимо больно.

Совсем непросто из как будто подзабытого, но до сих пор тревожного времени, пережитого с огромным напряжением души и воли, взять и оформить в свежих образах самое важное для писателя-современника. Написать роман-ключ к эпохе – трудно. Нужен такой «ключ», чтобы открыл новые черты в прошлом, соединил грани недавней нашей действительности и горизонты сегодняшней жизни. Александру Кердану такой «ключ» отыскать удалось. Именно поэтому у читателя складывается абсолютная уверенность в том, что форма романа как бы «сама себя нашла», а не была придумана, сконструирована или кем-то подсказана автору. Так бывает, когда сюжет, концепция, характеры, – всё вызреет и сложится. Ни к чему тогда размышлять об архитектонике, линейности или нелинейности повествования. Тогда роману реалистическому, на фактуре и плоти основанному, повествовательному – не соперник никакой детектив или триллер. Никакая выдумка по увлекательности и эмоциональной отдаче – не соперница правде событийной. Как эпистолярный, как послание лучшему другу-читателю воспринимается такой роман. Подобная книга всегда – удача, одна из немногих настоящих среди «бумажного озера» или литературы, создаваемой, как под копирку, на тему заведомо выигрышную, однонаправленную. Серости среди авторов в этом «озере» много, и мысли всё – похожие: или 90-е у них «святы», или баланда жидка. Так всегда, когда цепляются к «выгодной» теме (мы такие «темы» знаем наперечёт). Номинанты и лауреаты разрекламированных «крупных» современных премий последних лет: «Ясной Поляны», «Большая книга», «Нос», «Нацбест» – в сущности, писали об одном и том же...

«Царь горы» прочитался в один день. Вот, например, как автор описывает перелёт в Кабул на «транспортнике» самолёте Ил-76.

«Рядом с Борисовым оказался вертолётчик капитан Николай Гаврилов, летевший в Афганистан во второй раз. Откинувшись на стёганую обшивку сидения, он со знанием дела отвечал на вопросы новичков.

- Как там “за речкой”? Стреляют часто?
- Бывает...
- А где лучше к нам местные относятся?
- Там, где нас нет...

Внизу мелькали хлопковые поля, зелёные кроны чинар и свечки тополей. Вдоль горной гряды извивалась коричневой змеей река.

– Это – Пяндж. За ним – граница! Вот мы и в Афгане, – то и дело тыкал рукой в иллюминатор улыбочивый Гаврилов.

Но скоро земля скрылась за пеленой облаков. Борисов, прильнув к иллюминатору, с любопытством наблюдал за “небесными странниками”, пока среди облаков не стали появляться проплешины и не замаячил новый, непривычный пейзаж: плотно прилепившиеся друг к другу дома с плоскими крышами, убогие поля, разделённые глинобитными дувалами, островерхие горы, на которых, несмотря на лето, дымился снег... Прорывались сквозь небесные хмари, на неприступные склоны падали солнечные лучи, и снежные пики мерцали разноцветными искрами, как дорогое ожерелье, накинутае Аллахом на плечи южной красавицы.

В какой-то миг Борисову показалось, что стайка мерцающих искр устремилась прямо к самолёту, но “Ил” снова нырнул в облака...»

И далее в романе «перезагрузка». Вновь прибывшие прапорщики и офицеры освобождают Ил-76, выходят на бетонку. В самолёт тут же загружают убитых и раненых.

«Так точно. Цинковые гробы в деревянные ящики упакованы, чтобы не повредить при транспортировке... – пояснил Гаврилов. – А ты заметил, что по нам из ДШКА влупили, когда мы над Хазараджатом летели?

– Видел какие-то искры со стороны гор...

– Значит, испугаться не успел... – усмехнулся Гаврилов. – Побудешь здесь, научишься искры от выстрелов отличать...

– Так, выходит, нас могли сбить?

Гаврилов покачал головой:

– Нет. Эшелон, на котором мы шли, для ДШКА недосягаем. Духи просто так, от бессильной злобы пуляли! Вот если бы у них “Стингер” под рукой оказался, тогда бы нам никто не позавидовал».

Напряжение, с которым передан перелёт Бора в воюющий Кабул, – это подлинность состояния перелёта во враждебный стан. Не зря говорят: «Кто в море не бывал, тот Богу не маливался». Для тех, кто повоевал, такие страницы бесценны особым погружением в пространство «между Сциллой и Харибдой», с полным доверием к «материалу». Если только можно назвать материалом само бытие человека, офицера, война на этой земле.

Таких сильных, пережитых, убедительных – настроением, правдой, глубиной, промеренных как бы глубоководным шестом совести и воли автора – страниц в романе множество, он соткан из них. «Окунувшись с головой в правду – врать не станешь», – справедливо говорят в народе. Взвзвись за серьёзную книгу, волей-неволей стряхиваешь всю шелуху, всё наносное, пустяшное – остаётся Правда. Вроде бы «легко» и «наскоро» написанный без претензий на исключительность роман «Царь горы», несомненно, займёт особое место в литературе подлинной.

Описание спасаемого офицерами блокпоста от гружёного «под завязку» взрывчаткой грузовика, направленного на ворота комендатуры, – тоже незабываемо. Так же проходишь сквозь сомнения и дрожь вместе с Бором к автобусу с моджахедами... И какой же несамостоятельной забавой кажется на фоне этих жизненных реалий игра в прятки с историей, готовность в разных тональностях и «амплуа» ругать наше общее прошлое!.. А именно такой игрой представляются нескончаемые попытки поражать даже самое уважаемое жюри всё новыми и новыми «филологическими находками», говорящими о «безнадёге системы» и, конечно, о наиболее бездушном и бесчеловечном времени СССР – об этом особенном 1937 году. Какую «премиальную» книгу ни возьми – всё об одном. Незамысловато устроена нынешняя жизнь литературного истеблишмента: желаешь известности и премий – пиши о 37-м или о разгроме СССР в 41-м. Но вот опубликован роман «Царь горы» – и это яркий пример прозы не для красного словца или пустого интеллектуального развлечения.

Литература русская своим истоком – вся из святоотеческих писаний, из монастырских отечников. Оттого тяга к реализму, к правде, серьёзное отношение к слову всегда были на Руси органичны и ценимы, а забава и хохма никак у нас не приживаются. Сколько их сегодня, писателей, никогда не бывавших ни в узах долгих, ни в Обителях Соловецких или на Колыме, ни в таёжных местах Красноярска – но целые тома о том написавших... Ладно бы – краеведческие или историографические, нет же: сплошь художественные сочинения с претензией на подлинность, на правду. А как выбрать:

какую правду читать? Ведь выбор, по сути, поучителен: поиск смыслов – и обогащение или трата времени и жизни. А жизнь человеческая и без того не долга.

Образ Китежа-СССР – интересен, поучителен, увлекателен. Но чтобы найти Китеж, как известно, нужно верить, помнить и знать – знать неподдельное и не приглаженное, знать для жизни, для дела, для будущего. Дорога правда именно тем, что она несёт зримый, ясный, осязаемый опыт. Не опыт придуманных Имитаторов, Авиаторов, Виолончелистов-Альтистов-Капельмейстеров, Учеников чародея, Чапаевых с пустотой, имя коим – легион. Не опыт сюжетов, основанных на бесовщине или увлекательно выстроенных на надуманных идейках и смыслах, проистекающих из одного и того же корня: из ненависти к стране и к «хозяину», к русскому народу...

Роман «Царь горы» – книга нынешнего, «сего дня». В такой книге невозможно врать. Небылицы – удел сочинителей, готовых утащить за рукав в сторону читателя и нашёптывать ему на ухо про «каменные мосты», блуждая по которым отыскивают родственников, след которых потерян на Лубянке. Или – бродя по каменным мостам, сочинять о надуманных алхимиках, не бывших, не живших, и по состоянию духа – никак не могущих быть ни в «авиаторах» в 37-м, ни в «монахах» XV века...

Нестерпимо, невыносимо, непереносимо «поднимать на попу», как говорят в народе, грязнёнокое и пошловато сконструированное прошлое – и, перевернув его комлем вверх, радоваться «новизне» сказанного до тебя уже десятки раз, умиляться, сравнивая надуманное с днём сегодняшним.

Так в чём же **фокус** именно этой книги (фокус – как точка наведения цели или схождения пучка лучей)? Казалось бы, в романе Кердана – современные типы, которые известны и понятны нам, сегодняшним, живущим в этом, ещё «непрошедшем» времени. В книге – как будто всё то же, что продавали нам более тридцати лет, начиная с 90-х, выдавая за «правду». То же, да – не то! Вот именно этим книга Кердана увлекает и ведёт за собой: отличием истинного изделия от подделки и поделки. Именно этим она и дорога серьёзному читателю – молодому и старому, представителю любого поколения, ищущему правду. Ответ тут прост и открыт не мной, его сформулировал ещё в XIX веке Оноре де Бальзак: «Секрет всемирного успеха – в правдивости». В следующем столетии его поддержал наш Василий Макарович Шукшин, сказав, что, если писатель желает, чтобы его слушали и слышали, он «должен макать своё перо в правду».

Роман возвращает нас не в надоевший 37-й год, а к нам самим, к тому времени, когда едва-едва начиналось разложение и разделение великой страны, расслоение на «царей» и «охлос». Разлом этот, случившийся не вдруг, готовился десятилетиями. И вот страну раскрошило – не собрать. Но почему? Причины краха СССР – внутренние, по-человечески понятные. Но когда читаешь роман «Царь-горы», видишь вполне отчётливо, что «великая геополитическая катастрофа» – не от случайностей, не от ошибок... Не от введений войск в Чехословакию; и не потому, что советская власть дискредитировала и унизила себя криками Хрущёва в Манеже; не от нетривиальных «письмен» Солженицына, обращённых к западному потребителю. СССР распался не из-за догадок предателей Резуна-Суворова или Калугина, не волшебством гениального провидца и проводника-талмудиста М. А. Булгакова. Вся суть распада СССР была во внутреннем человеке, то есть – в нас самих. И, читая книгу Кердана, отчётливо понимаешь: автор сказал главное, о чём не говорили до него так ясно, образно, на примерах характеров и судеб.

Трагедия СССР, следуя логике автора, заключалась в одном и в главном: в разделении мировоззрений советских граждан. Разделение их на «избранное меньшинство», приладившееся, устроившее себя и детей – и на 225 миллионов прочего населения, которое обходилось малым. Но ждало и верило, живя и в этом – не узком, но суженном, промозглом и малом – пространстве, как в загоне для скота. И всё же верило в гораздо более справедливое общество, не понимая, что для «царей горы» они уже – и не люди, а так, забавные млекопитающие... Два этих мировоззрения никак не срастались, не вязались одно с другим. Но ведь люди и жили, и верили – в социализм, коммунизм. Одни честно работали, честно воевали, не искали сладкого и лёгкого. Другие же, царедворцевы, желали сладкой жизни исключительно для себя и для своих детей, и вовсе не когда-то потом, в прекрасном будущем – а вот сегодня, сейчас. Вот причины истинного разлома, развала, разреза – как его ни назови. Конфликт мировоззрений нагнетался, собирался десятилетиями. И именно здесь подлинная причина «геополитической, величайшей катастрофы XX века». Роман убедительно, доходчиво доносит до читателя мысль, что раскол произошёл именно по внутренним убеждениям, и раскол этот зрел давно, длился десятилетиями и пролегал даже по семьям – и сквозь семьи.

Известно среди литературоведов, что и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына был написан именно по той же причине: «в отместку». Никогда бы «ГУЛАГ» не был даже вчерне написан, если б автору вовремя дали литературную Ленинскую премию за публикации в журналах. Премия эту он очень желал и мог бы получить, но не вышло – не одобрили в ЦК. А до этого обошли с премией Ленинского Комсомола: не проходил он уже в то время по возрасту – на ту пору ему уже за сорок было, а «комсомольскую» премию молодому литератору могли дать, если тому сорок не исполнилось. И не тогда ли, не с обиды ли он и пожелал большего? И гораздо большего: славы, валюты, полной свободы... По точному кердановскому определению, пожелал стать «царём горы». То есть пожелал и стал врагом Страны Советов, особенно же – и в первую очередь – врагом коммунизма. Даже писатель такой величины, прошедший многое в своей жизни – и тот нашёл естественным и необходимым обидеться и начать мстить. Что уж говорить о других, рядовых царедворцевых?

Но обида была лишь одной из причин нравственной деформации. В романе прочитывается, что никакой подобной обиды, как и никакого базаровского цинизма, «нигилятины» у Николая Царедворцева и в помине не было. Не было и геройства – всё проще. Такой человек в СССР (а это конец 80-х годов) стал «человеком разумным»: он уже не участвует в субботниках, воскресниках, «досрочных» пятилетках, а если участвует, то лишь для проформы. Он находит себе подлинное место в схватке за «вершину горы». Честная жизнь, а тем более энтузиазм становится уделом «заурядных», на его взгляд, людей – «младших братьев по разуму». Разумный человек заходит сзади, с тыла горы. Свободно и незаметно карабкается наверх. Через своих или таких же, как он сам, разумных. И сталкивает всех остальных, не нужных, мешающих ему, сопротивляющихся – сталкивает всем скопом. Он один на вершине – так он видит себя. И помогая продавать деду помидоры на городском базаре, и совершая заведомо никчёмную вылазку с разведротой в Афгане – хранит одну мысль: кто овладевает высотой – но не горной, а карьерной – тот и получает всё.

И здесь автору удалось очень точно схватить этот важнейший момент – овладение ситуацией. Отнюдь не честь, не чувства здесь в цене, не монологи тургеневских барышень и прекраснородных дворян, не мудрствование толстовского Поликушки или умиротворяющее бурчание горьковского Луки о «не деянии» как о смысле жизни. Автор книгой своей открывает нам причины сущностного противостояния – не то что народов, наций или мировоззрений, вовсе нет – а людей одного поколения, ближайших друзей, вдруг разделённых на «элиту» и «народ».

Если народ и «элита» врозь – это очень серьёзно. И заметно это стало в конце 80-х. Серьёзность разногласий была доказана кровавыми девяностыми не только стрельбой по Дому Правительства, о чём так пронзительно сказано в рассказе Александра Кердана «Экипаж машины боевой», где полковник-отставник с удивлением и трепетом близкой смерти ждёт выстрела из танка по «Белому Дому» от своего же ученика. И, как человек бывалый, предполагает неисчислимые разрушения, всё же надеясь, что до стрельбы дело не дойдёт: ведь это центр Европы, Москва, а под прицелом танков – избранные народа. Но стрельба начинается...

Роман уносит нас в личные воспоминания о важном и дорогом, о тех, кто рядом с нами и сейчас или – из ближних того времени. В воспоминания о незабытых ещё товарищах, заставляет заново погрузиться в калейдоскопы их судеб. В разных формах и ракурсах показывает детали армейского быта, развенчивает мифы о службе, глубоко вскрывает сущность двух войн...

Отдельная сюжетная линия – орнамент непростых семейных отношений Николая и Виктора. Трагический разлад в первой семье Бора из-за гибели малолетней дочери, попытка построить своё счастье на несчастье другого – увести из семьи замужнюю Майю... И здесь тоже явны параллели с изменившимися принципами общественной жизни, с изменением роли женщин в ней. Читая роман Кердана, понимаешь, что правила вежливости и достоинство терпения в подобных обстоятельствах отходят на второй и даже на третий план. Жизнь куда сложнее и теперь устроена по принципиально иным, чем прежде, до 80-х, правилам. Но одно в ней осталось неизменным: полное равнодушие «царей горы» по отношению к тем, кто пребывает внизу – или сброшен вниз, но находит ещё в себе силы не сдаваться и карабкаться наверх...

Уже и в то, советское, время поступались принципами. «Элиты» – легко, а за ними – и остальные. Уже тогда это были люди разных формаций. Одних совсем скоро с позором окрестят «совками» за их «наивность и доверие властям», а скептиков и маловеров советских назовут «новой российской элитой». Те, кто тогда уже был наблюдателен и умён, называли эту элиту «просвещённым мещанством». М. П. Лобанов, например, в 1968-м уже почувствовал этих «царей горы», а также – стрем-

ление низов в это «царство». «Совки»? – не знаю, не убеждён. А вот то, что среди них многие были проповедниками социалистического мироустройства, – это верно. Ими, по большей части, они остались и сегодня, потому что убеждены, что социалистические принципы хоть и спорны, но нравственны. И всем внутренним устроением, моралью своей читатели и писатели давно уже – в рядах разделившихся и разделённых. Вот почему особенно ценна книга Александра Кердана для молодых, не хлебнувших жизни прежнего времени. Мне представляется, призвание книги «Царь горы» – примирять и беречь своего читателя, восстанавливать разрушенный мост между прошлым и будущим.

Бурно и стремительно, как река Пяндж, разделившая в 80-е СССР с соседним Афганистаном территории «мира» и «войны», увлекает книга Кердана нас за собой, уносит в недалёкое (или уже далёкое) прошлое. Эта река, которую на пути в Афганистан с борта самолёта видит молодой офицер, от имени которого ведётся повествование, эта мутная грязная река «змеит-течёт» среди гор, откосов, отрогов – и уводит современного молодого читателя в иную реальность, в нашу молодость – опасную, заминированную. Заминирована была она и Афганистаном, и бандитским разгулом в стране, и Чечнёй. А до того – Карабахом, Узбекистаном, Грузией, землетрясением Степанакерта...

Но Пяндж – явный символ повествования – так же энергично и возвращает нас, прочитавших книгу, в нынешнюю действительность. Возвращает поумневшими и более опытными. «Трёхсотые» – раненые и получившие увечья, мы возвращаемся к себе, а «двухсотые» – погибшие, остались «там, за речкой» навсегда. Но и вернувшиеся – тоже до конца не вернулись: незабываемые кошмары остаются с теми, кто воевал, – на всю последующую жизнь. Пяндж – это тот смысл, тот нравственный отчёт перед собой и другими, в котором впоследствии не забудутся горы Ичкерии и разрушенный Грозный. Каждый прожил в наше время свою судьбу на войнах и на гражданке, да и «Цари горы» не избежали того, что было им на роду написано. А иные – если даже им кажется, что ускользнули, – не уйдут всё равно от суда совести, Высшего Суда, о чём очень по-русски в конце романа размышляет его главный герой. Так в романе Кердана экзистенция ненавязчиво становится эсхатологией.

Чеченские военные действия, находчивость, а по сути – подвиг Бора на блокпосте, за который он не то что орден или медаль, положенную за геройство, не получил, но и сам оказался в зиндане и едва не угодил под суд, наподобие тех горемык, которых сам же и освобождал накануне... Реальные сюжеты и случаи на страницах романа расставляют все точки над «i». А когда всё расставлено правдиво и по местам, текст легче и с доверием читается. Мало того, прочитывается и подтекст романа – то, что не сказано прямо. Потому что говорить назидательно – не лучшая возможность высказаться до конца.

Закрыв последнюю страницу романа, читатель уже не сможет оставаться прежним. Не сможет жить, не соотнося себя ни с хлебнувшим судьбы-кручины полковником Виктором Борисовым, ни с жизнью баловня судьбы Николая Царедворцева, ни с членами редакции журнала «Рассвет», ни с протестующими против строительства православного храма в Екатеринбурге горожанами. Он не сможет не считаться с их доводами, с их правдой, с их жизнями, так колоритно изображёнными автором.

Книгу дополняют рассказы. Они – как бы послесловие и одновременно, если судить по времени их написания, предтеча романа. Разнообразные по тематике, сюжетам, настроению, одни – с юмором, другие – с сарказмом. Иные – с той сердечной русской печалью за оболганную теперь страну и соотечественников. Отдельные рассказы можно определённо назвать новеллами – настолько они непредсказуемы. Стиль и тематика их напоминают эмигрантскую прозу позднего А. И. Куприна. Конечно, речь не о подражании – скорее, о направлении писательского взгляда, о степени мастерства: столько в них живости, жизнелюбия, широты восприятия. Их поймут и оценят все читатели, даже и те, кому повезло не мотаться по гарнизонам и военным госпиталям. Повезло не участвовать в разминировании афганских дорог, уступов, проходов и лазов. Повезло не столкнуться с «двойной правдой» жизни, с судом чеченских старейшин, продажных военных прокуроров и дознавателей...

Особенность прозы Александра Кердана такова, что, погружаясь в неё, не замечаешь, как из рецензента или критика исподволь превращаешься в самого заинтересованного и увлечённого читателя. И здесь опять вспоминаются слова великих о литературе и о правде. Без правды и опыта писателя – нет ни хорошей увлекательной книги, ни убедительной удачи. И в этом смысле правде жизни у Кердана стоит поучиться, как, скажем, умению наблюдать – у Бунина или стилевой элитарности – у Набокова. А по многим находкам, по бытовой сметке, по точности и жёсткости описания войны прозу Кердана можно сопоставлять с произведениями Ремарка, Хемингуэя и того же Куприна.

Нет сомнений, что будущие прозаические произведения нашего современника, посвящённые этой тематике, порадуют вдумчивого читателя ничуть не меньше, чем книга «Царь горы».